

Юлия Юсина

Три радужных форели в большом пруду

16+

Юлия Юсина
Три радужных форели
в большом пруду

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48630616

SelfPub; 2019

Аннотация

Ты никогда не знаешь, когда и как получишь ответы на свои самые сложные вопросы. В маленькой хрущевке на окраине Москвы или на берегу пруда на рассвете, или вообще не в этой не реальности.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.

На выходе из метро «Рязанский проспект» я застыла, судорожно озирая окрестности – как астронавт, впервые высадившийся на незнакомой планете, в надежде зацепиться взглядом хоть за что-нибудь отдаленно напоминающее мою Москву. Тщетно. За сорок минут, от Сокола до Рязанки, я, кажется, преодолела несколько пространственных измерений и единственным, что еще хоть как-то связывало меня с реальностью оставалась смска: «15 сентября, с 9 до 19, живая очередь. Рязанский проспект, 52, кв. 17. Анна»

Я неглубоко вдохнула, все еще не определившись, пригоден ли для моих легких здешний воздух, и зашагала вдоль проспекта. В сторону 52-го дома со мной шли лысый, бабуля и девушка «коса по пояс». Мое богатое воображение сразу сплотило нас, сделав товарищами по несчастью. Заблудшие души – все мы шли за спасением. Мы шли к Анне.

Через пару минут нас осталось двое – я и лысый. Мы одновременно подошли к нужному подъезду панельной пятиэтажки. В сумке противно зазвенел и заерзал телефон. 9:00 – автоматический будильник. Лысый, увидев, что я притормозила, метнулся в подъезд и бегом через две ступеньки исчез на верхних этажах. Я остановилась на входе – спертый воздух, мрак, мутно-зеленые стены, в разломах осыпающейся краски, грязные разводы небрежной уборки на бетонном

полу.

– Что я здесь делаю? – я сделала несколько шагов и посмотрела наверх сквозь лестничные пролеты, где в солнечном свете медленно, не приземляясь, кружилась полупрозрачная пыль, поднятая галопом лысого. Мысль о том, что этот тип опередил меня, больно уколола и в миг уничтожила наше воображаемое братство. Убогая обстановка, живая очередь, догонялки с лысым – лишили меня чувства собственной избранности, к которому я приросла болезненно самыми чувствительными местами. Именно их саднящая боль погнала меня с самого утра на эту чертову неизвестную планету, их заполошный вой месяц назад, заставил ввязаться в это со всех сторон сомнительное предприятие. В подъезд вошла парочка – в контровом свете дверного проема я видела только силуэты, но считала шестым чувством, что это тоже конкуренты и движимая животным инстинктом рванула вверх по лестнице – хватит с меня и лысого!

Квартира номер 17 скрывалась за хлипкой дверью с обшарпанной дерматиновой обивкой: чуть приоткрытая, она явно давала понять, что входят сюда без стука. Малюсенькая прихожая упиралась в закрытую комнатную дверь, направо кухня и санузел: снимая квартиры с 16 лет, я с порога могла угадать любую планировку – моя супер сила. Бессмысленная и бесполезная, как и большинство моих талантов.

Разуваться? Раздеваться? Звать хозяйку? Ставить чайник?

Из кухни доносились голоса и заглянув туда, я уперлась в довольную физиономию лысого и еще с десятка, неизвестно как усевшихся в крохотной комнатухе, человек.

– Кто последний? – на автомате спросила я.

– Я – предсказуемо ответил лысый.

– Я за вами – рефлекторный диалог, записанный на подкорке со времен советского детства, помогал легко смешаться с толпой и не выделяться.

Говорить нам больше было не о чем, сидеть негде, стоять посреди кухни – слишком вызывающе. Я вернулась в прихожую и уселась на тумбочку для обуви. Живая очередь.

«Анна здравствуйте, мне нужна ваша помощь! Я... А что я?.. Заблудилась? Меня никто не любит? У меня почти год не было секса? Я каждое утро просыпаюсь в холодном поту от страха и тревоги? Я не знаю, что мне делать? У меня провал по всем фронтам?»... я бессильно откинулась к стене, утонув головой в чужих куртках и пальто, висевших на крючках незатейливого гардероба.

«Мне надо наказать эту суку! Она мне под порог подбросила мертвую крысу, навтыкала иголок в дверь... Как мне вернуть мужа, Анна?!» – ответа Анны я не разобрала, но брошенная просительница перешла с повышенных тонов на еле слышные стенания... Ничего себе жизнь у людей! А тут я...

«Здравствуйте, Анна! В чем смысл жизни?» – не годит-

ся... «Анна, добрый день! Я впервые в жизни не могу помочь себе сама. Вы можете?» – нет. Я безнадежно пыталась найти слова, которые описали хотя бы сотую долю невыносимой тоски, которая будто черная дыра посреди груди засасывала в себя ежеминутно всю радость, надежду, желания. Из которой по ночам на волю вырывались мучительные, парализующие кошмары и не исчезали с наступлением рассвета. Но слов не находилось.

Я зарылась в свое одежное убежище поглубже, почти перестала слышать внешние звуки и только провожала взглядом входящих и выходящих. Мужчина в дорогом костюме и парфюме, мать и сын-подросток, пожилая женщина с лицом застывшим в гримасе горя, большая и решительная жена тянет за ручку растерянного мужа, лысый... Ой.. уже лысый! Я следующая! Как надо общаться? Что просить? Как у них принято?

«Анна, здарсьте! Вы у меня первая...» – не то! Не то! Хоть и чистейшая правда. Анна – моя первая официальная ведьма по рекомендации.

Когда на горизонте еще только начали собираться первые грозовые тучи, одна моя впечатлительная приятельница сразу же объявила: Тебе нужна Анна!

– С ума сошла? Тут не колдовать, тут самим бороться надо! – я была привычно одержима идеей своей правоты и неуязвимости.

Через три месяца, после обескураживающего предатель-

ства лучшего друга, впервые в своей жизни, я с позором была уволена с лучшей своей работы, лихо промотала последние копейки, все поиски нового места заканчивались оскорбительным: «извините, но вы оверквалифайд», тревога затопила меня целиком и вытолкнула в конечном итоге сразу на две работы, сложив зарплаты которых, можно было хоть как-то делать вид, что я еще ого-го-го. А потом меня обокрали, а потом я разбила машину, а потом начала разрываться между двух деспотичных начальников, а потом мне пришлось сменить квартиру на жилье гораздо меньше и дешевле, опустошить кредитные карты... и было невыносимо стыдно кому-то признаться в том, что я проиграла, не справилась, мне страшно и плохо.

Каждая новая попытка встать на ноги только все глубже затягивала в зыбучие пески. Никакой любви, только обязательства, долги, круглосуточная работа, вечный бодрый вид: помочь всем, кто просит, обнять всех, кто плачет и холодная липкая тревога сначала только по утрам, а потом и круглосуточно. А потом первое сентября и я снова не веду сына в школу, потому что еду сначала по одному поручению, потом по второму, и по двум линиям одновременно звонят два начальника и каждому немедленно и прямо сейчас нужно всё и сразу, а я задыхаясь от разговоров и оправданий на ходу, бегу по улице, и вдруг... ливень. И я стою в потоках разверзшихся хлябей небесных, среди бетонных коробок и проспектов и реву в голос от отчаяния, не чувствуя за своей

спиной ничего и никого, только дыхание черной пустоты – оступись на шаг и провалишься в нее навсегда. Вот тогда я и прорыдала в трубку:

– Давай телефон своей Анны!

Лысый вышел, вытер салфеточкой пунцовую, вспотевшую лысину и кивнул мне «Заходи!». Он выглядел таким растерянным, что мне стало неловко за свою злость и я снова милостиво приняла его в наше мысленное братство.

– Как вас зовут?

– Сергей, а что?

– Ничего. Удачи вам, Сергей!

И я вошла в комнату...

Непреложный закон моей подруги Фокиной гласил: «В любой непонятной ситуации – звони!» Когда поздно вечером я расстелила постель, открыла в спальне окно, переоделась в свежую футболку, достала из свертка опаленную свечу, положила ее себе под подушку, разгладила сложенный в четверо листок с текстом, забралась под одеяло, приготовилась читать заговор и вдруг на секунду представила себя со стороны – стало понятно – нужно звонить.

Но Фокина либо уже спала, либо спала с мужем, либо спала с любовником – четвертого не дано. В любом случае, мне оставалось только дослушать длинные гудки и поговорить с автоответчиком.

– Ира, слушай меня внимательно! Я должна кому-то оставить эту информацию, пока еще находясь в здравом уме. Если врачи психиатрической больницы, в которой я проведу остаток своих дней, однажды спросят у тебя, с чего всего началось, скажи им: моя подруга вызывала на разговор свою мертвую прабабку. А для тебя я отдельно фиксирую: я сейчас лежу в свежем белье в свежей постели, с магической свечой под подушкой и заговором на бумажке. Я прочитаю его и предположительно после этого меня навестит во сне моя внезапно обретенная прабабка – Прасковья Андреевна. У меня к ней есть пара вопросов. И да, это правда я, твоя подруга – Юля. Пока еще. Я тебя очень люблю, а гадости, которые я наговорила тебе в прошлый Новый год – это все текила. Обнимаю! Пока!

Я завела будильник, убрала телефон, подоткнула подушку поудобнее и развернула листок.

– Привет! Проходи.

Диван-кушетка, гигантский фикус, журнальный столик с пепельницей, огромное мягкое кресло, книжные шкафы вдоль стен, картины в массивных рамах, потертый персидский ковер на полу. Пожалуй, только запах церковных свечей делал кабинет Анны волшебным, а не психотерапевтическим. Ни амулетов, ни хрустальных шаров, ни котлов для зелий...

– А вы точно ведьма? – импровизация все-таки не мой жанр...

– Точно! Как угадала? Я страшная и опасная ведьма! – одновременно закашлявшись и хохоча, крупная, восхитительно-армянская женщина, со скульптурно вылепленным лицом и высокой прической пшенично-пепельных волос, затушила недокуренную сигарету, поднялась из кресла ко мне на встречу, взяла мою руку в свою огромную горячую ладонь и не отрываясь посмотрела прямо в глаза. Ее было так много, что я растерялась – мне показалось – вся комната наполнена ею и её балахонистым черным одеянием, а я болтаюсь беспомощно где-то в центре этой гигантской Анны как в неведомости.

– Простите, я не знаю, что делать и говорить. Вы у меня первая.. – черт, я все-таки сказала это.

– Ты забавная. Не надо ничего говорить. Садись. – она наконец-то отвела от меня свой немигающий взгляд, тяжело опустилась в кресло, пару секунд будто дожидалась пока осядет в нем полностью и повелительно указала мне на диван. Я осторожно уселась на краешек, боясь нарушить какие-то неизвестные мне правила поведения с ведьмами. Так мы и сидели несколько минут. Анна в кресле, глядя в пустоту, я на диване, разглядывая сквозь балконную дверь желтеющую листву за окном.

– Даже солнцу нужно иногда отдохнуть – наконец произнесла она и, остановив суровым взглядом мой немой вопрос,

будто отчитывая меня, продолжила: Да, я про тебя! Всем светишь, всем греешь, но близко никого не подпускаешь. Ты похоже не знаешь, что нельзя вся время давать, иногда нужно брать! Поэтому и пришла ко мне. Для самой себя у тебя уже ничего не осталось.

– Откуда... – я оторопело подбирала слова

– От верблюда! Ты ж сама к ведьме шла – вот теперь сиди и слушай. Хочешь покурить?

– Очень!

Мы с ней закурили ментоловый Вог из ее и пачки, и я вдруг успокоилась...

– Я все время сама за себя.. Я очень устала, Анна.

– Силы мы твои найдем, это ерунда. И возьмешь все, что для тебя и твое, оно уже давно дожидается. А вот то, что сама магией балуешься – это плохо.

– Магией балуюсь? Анна, вы меня извините, я картошку пожарить нормально не умею, а вы про магию!

– То есть никогда и ни разу?

– Ну я же вам сказала – вы у меня первая, смешно, конечно, но правда. Клянусь!

– Странно,.. – Анна нахмурилась и еще раз осмотрела меня тяжелым взглядом, который, кажется, должен был разоблачить во мне подпольного магистра оккультных наук. – Окей... ну раз я тут одна ведьма – делать нечего, буду колдовать. Вставай!

Странное чувство – я поняла, что очень хочу понравиться

Анне и страшно боюсь ее разочаровать тем, что не оправдаю ее видения. Я послушна встала, вопросительно посмотрела на нее, Анна взяла меня за плечи и решительно развернула лицом к окну.

– Так и стоять? Ничего не делать? Надо про что-то особенное думать? Глаза закрывать? – куда-то исчезли сорок лет сознательной жизни и я превратилась в маленькую испуганную девочку.

– Стой и ничего не делай. Смотри куда хочешь, думай, о чем хочешь, просто не мешай!

Ох, а я разве подписывалась «на процедуры»? Почему я не задаю вопросов? Не спрашиваю опасно ли это? Почему она сама не спрашивает моего согласия? Почему все опять как всегда – ради призрачной симпатии какой-то незнакомой тетки, я молча терплю и не могу сказать, что я переживаю, мне страшно... А вдруг она читает мои мысли? Ой... и слышит вот это все? Так... я буду просто смотреть в окно. Солнечное утро, мой любимый сентябрь, холодный прозрачный воздух, еще не угасание и тлен, а невообразимое чудо, на которое способна природа, восхитительный, но пугающий взрыв красоты на пороге смерти. Я должна что-то чувствовать сейчас? Тепло, холод, покалывание, мистический транс... Я ничего не чувствую, я даже не могу разобрать что Анна шепчет за моей спиной, но она точно там, будто разгоняет руками как безумный ветряк мою вечную черную пустоту. Впервые кто-то кроме меня увидел ее и не посчитал

инфантильной выдумкой.

И я заплакала. Без усилий и надрыва, слезы просто потекли из моих глаз от острого чувства, что кому-то не все равно, что там... у меня за спиной.

– Ну вот и всё. – Анна дышала часто и прерывисто, я обернулась – она задувала большую свечу и протягивала мне листок, забрызганный воском. – Теперь рассказывай.

– Я? Что рассказывать? – я вертела в руках листок, пытаюсь понять, что бы такое рассказать и не выглядеть при этом идиоткой.

– Что за Прасковья такая и почему ты сразу об этом не сказала?

– Анна, простите, но я теряю нить.. Какая Прасковья, о чем я должна была сказать? – я уже начинала жалеть, что не нашла денег на психотерапевта.

– Ну ладно, давай по порядку. – мы снова уселись на свои места, Анна промокнула бумажной салфеткой капельки пота, проступившие у нее на лбу и закурила – Посмотри внимательно на листок.

Я перевернула его и взгляделась в беспорядочные восковые кляксы, которые начали приобретать вполне внятные очертания.

– Вот тучи, а это птицы... – начала я.

– Вороны, если быть точнее – поправила Анна

– Хорошо, вороны... Дом деревенский, труба дымит и... господи, серьезно?..

– Да-да, я об этом и говорю! – она явно радовалась, что теперь не ей одной ломать голову над загадками моей жизни.

– Бабуля какая-то... на пороге, в платье в пол и платочке...

– Правильно, а что бабуля делает? – ведьма заговорила со мной тоном воспитательницы в детском саду.

– Бабуля, кажется, колдует?...

– Бабуля колдует! – передразнила меня Анна. – А зовут бабулю – Прасковья. И я спрашиваю – почему она решила, что именно ты должна от нее перенять это милое занятие?

– Слушайте, я, конечно, надеялась на волшебство и чудеса, но вот вообще не в таком формате. Мы же вроде говорили о том, что вы поможете мне как-то разобраться с собой и вылезти из этой дурацкой депрессии!

– А я что делаю, позволь тебя спросить? Если какая-то бабка так и будет таскаться за тобой и ждать, когда ты соизволишь перенять ее дар, а ты будешь думать, только о том, что тебя никто не любит и где взять денег, то так и будешь ходить до конца жизни в своей депрессии! – Анна теряла терпение, а я, кажется, разум, потому что все это было уже слишком даже для меня.

– Да не знаю я никакой бабки!

И здесь я, конечно, должна была бы долго объяснять Анне, что семейное древо в моем случае не то чтобы не росло, но на древо никак не тянуло, максимум – чахлый куст, который обрывался на том, что я теоретически знала о существо-

вании двух бабушек и двух дедушек, а практически была знакома только с одной – бабушкой Серафимой по отцовской линии, к которой в детские годы меня регулярно отправляли в летнюю ссылку на Балтийское море. Вся остальная семейная история у нас как-то не прижилась. Слишком уж особенными были мои родители, слишком богатой внутренней жизнью жил каждый из них, и еще до моего рождения, оторванные от своих корней, мама и папа, прекрасно чувствовали себя в обществе друг друга, не испытывая ни малейшей нужды в укреплении родственных связей. Так что, когда я появилась на свет, они оба уже много лет ограничивали общение с родней открытками на Новый год, а я очень долго считала, что мои бабушка и дедушка – это строгая женщина с резким профилем и суровый бородач в свитере с высоким горлом крупной вязки – Анна Ахматова и Эрнест Хемингуэй соответственно – только их фотографии висели у нас в рамочках на стенах. Как и сейчас, тогда я старалась не расстраивать родителей глупыми вопросами, а они не особенно задумывались над тем, нужен ли маленькому человеку кто-то кроме него самого. Им вполне хватало себя и сложно их за это судить. Тем не менее, к середине своей жизни я причалила практически в гордом одиночестве. Так что мне действительно было решительно нечего сообщить о бабке Прасковье, в родстве с которой меня заподозрила Анна.

– Слушайте, а можно я позвоню прямо сейчас маме и спрошу у нее?

– Звони, конечно, а то мы до вечера тут с тобой не разберемся.

Мама у меня к своим годам уже туговата на ухо и я терпеливо ждала, когда она услышит телефон, не торопясь пройдет из спальни по длинному коридору на кухню, где наверняка его оставила, когда пила свой утренний кофе и завтракала орехами и сухофруктами.

– Мам, привет! Кто такая Прасковья?

– Доброе утро, дорогая! А с чего это ты вдруг спрашиваешь?

– Ну не важно! Просто скажи, была у нас такая родственница?

– Была конечно! Твоя прабабушка, моя бабушка Прасковья Андреевна. Чистокровная цыганка, между прочим.

Мое сердце глухо застучало где-то под самым горлом.

– Мам? Ну как же так? Почему ты мне никогда о ней не рассказывала?

– А я разве не рассказывала? Ой, ну я даже не знаю. Ты никогда не спрашивала, значит.

– Железная логика, мам! Как я могла спрашивать то, о чем вообще ничего не знаю? Ладно, проехали. Ну скажи мне, эта Прасковья Андреевна, она чем занималась?

– О, ну она была очень известная... не знаю даже как сказать... колдунья, наверное. Со всего района и из соседних городов к ней ездили люди!

– Мама... – я только вздохнула, прекрасно понимая, что

никакие разборки нам сейчас не помогут.

– А почему ты спрашиваешь? Она умерла уже давно.

– Я догадываюсь, мам. Ладно, потом все объясню. Позволю тебе попозже. Целую! Пока!

Анна торжествующе смотрела на меня. Глуховатая мама говорила так громко, что весь разговор был услышан ею до последнего слова.

– Вот как-то так, Анна... И что мне теперь с этим делать?

– Для начала, ты успокойся, это не проклятие, не беда и не приговор. Но так устроен женский род и, уж не знаю, как ты это будешь понимать, но она тебя выбрала, чтобы передать свое, если можно так сказать, наследство.

– Оно мне надо? Что я должна сделать – бросить работу – пойти в колдуньи теперь?

– Ну, скажем прямо, бросать тебе сейчас особо нечего. Но я не об этом. Делать тебе ничего не надо, только принять это, не закрываться от этого, дать ей возможность оставить всё тебе и идти дальше.

– Типа пойти в полночь на кладбище и закопатьдохлую кошку?

– На кладбище не надо. Не прикидывайся дурочкой. Ты прекрасно знаешь, что такое принять! Но если уж очень хочешь, можешь ее увидеть. Во сне, например. И там пообщайся. Как это сделать, я тебя научу.

– Анна, только вы мне честно скажите, мне после этого станет легче?

– Тебе станет совсем по-другому... Это я тебе обещаю..

– Юля! Юль... просыпайся, уже пора, а то опоздаем!

Я не помнила дочитала ли до конца текст, написанный круглым и ровным почерком Анны. Было ощущение, что я почти сразу провалилась в глубокий сон без сновидений, из которого меня выдернул тихий, но очень настойчивый голос.

– И никакой Прасковьи... Что ж и на старуху бывает про-
руха. – пробормотала я еще сквозь сон, разлепляя глаза –
Куда опоздаем?

– Как куда? На рыбалку. Мы ж с тобой сто лет назад уже
об этом договорились.

– Пап... – я начала различать в темноте его силуэт – отец
присел ко мне на кровать и продолжал тормошить за плечо. –
Может попозже, я что-то совсем не выспалась.

– Ну, дочь, сколько еще можно откладывать! Я так умру,
а мы все не сходим.

– Это – аргумент. Ладно встаю... – я потянулась за коф-
той, ледяной воздух в комнате, остывшей за ночь, заставил
поежиться. Пунцовая полоска рассвета уже прорезала тем-
ное небо, с улицы не доносилось ни звука. Отец оставил ме-
ня и тоже пошел собираться.

Вскоре мы уже топали по пустой улице в сторону огром-
ного парка, я натянула легкий пуховик прямо поверх пижа-
мы, надела стоптанные угги и рядом с отцом, облаченным в

рыболовную амуницию, со своей растрепанной шевелюрой и помятым лицом, выглядела, прямо скажем, не очень солидно. Давясь бесконечной зевотой, я краем глаза поглядывала на отца – гладко выбритый, с седыми висками, как всегда сурово поджатыми губами, он шел в рассвет, как настоящий рыцарь на решающую битву.

– Пап, выдыхай, мы ж просто с удочками на пруд идем.

Он вздрогнул, будто забыл, что я иду рядом с ним, внимательно посмотрел на меня и со значением произнес:

– Я очень долго этого ждал. И не надо обесценивать, как обычно – для меня это не просто на пруд с удочками, а долгожданная прогулка с дочерью.

– Ну-ну, давай без пафоса. Ты можешь годами не обмолвиться со мной и словом, так бываешь занят своей персоной и размышлениями о судьбах мира. А тут вдруг -долгожданная прогулка. Я тебя прям не узнаю.

Он не удосужил меня ответом, только посмотрел пристально и зашагал еще торжественней. Я вздохнула – родители мне достались что надо. На хромой козе не подъедешь.

В молчании, изредка похрустывая хрупким ледяным налетом первых заморозков, мы вышли к большому пруду в центре парка. Солнце уже показалось своим краем над горизонтом и пронзило первыми лучами густой туман, который застелил неподвижную густую, почти черную воду пруда. Я глубоко вдохнула влажный и холодный воздух, пропахший мокрой листвой, достала сигареты и затянувшись, благодар-

но выдохнула отцу:

– Спасибо, пап, что вытащил! Такая красота.

Он уже разложил пару брезентовых стульчиков, и колдовал над снастями. Таким я и помнила его всё свое детство – одержимый рыбак, бесконечно что-то лудящий, паяющий, мастерящий хэнд мейд блесны и мормышки за своим столом. Дом наш вечно пах рыбой, которая сушилась, развешенная на леске в дверных проемах, да и сам он привычнее всего был для меня в рыболовных своих одеждах – изрядно заношенных и крепко впитавших запах его бесконечной погоны за «голубым марлином».

Мы закинули удочки и расположились на стульчиках. Тишина между нами, хоть и привычная, становилась тяжелой. Я попыталась вспомнить, для чего и когда мы договорились пойти на эту рыбалку – ведь связанные кровным родством, мы уже много лет, по сути, оставались чужими людьми, и я совсем не знала, что такое быть дочерью своего отца. Если в раннем детстве, по рассказам мамы, отец и был моим лучшим и заботливым другом, то это очень быстро закончилось. Пережив свой первый инсульт, он весь сосредоточился на себе и так увлекся, что почти не выныривал из своих болезненных переживаний. Из всех событий моей жизни он заметил разве что рождение сына, да и то лишь для того, чтобы высказать свое недовольство тем, что я родила «безотцовщину». Вот, собственно, и вся история наших отношений – отец не знал ни чем я занимаюсь, ни о чем думаю, ни что

заботит меня. А я в свою очередь, тоже в основном наблюдала лишь вяло текущую депрессию, изредка прерываемую чтением моралей. Думаю, случись со мной что-то требующее незамедлительной помощи – отец был бы последним, к кому бы я обратилась. Если бы вообще вспомнила.

– Пап, а можно спросить? – я понимала, что ждать поклепки мы можем бесконечно, и хотела хоть как-то разбить звенящую тишину.

– О чем? – он заметно напрягся и замер, уставившись в одну точку.

– Я вот тут вчера ходила к одной женщине... как бы тебе объяснить, ну... ясновидящей и она кое-что рассказала мне о нашей семье. А почему вы с мамой никогда не общаетесь с нашими родственниками?

– Ясновидящей, значит. Похоже зря мы столько сил вложили в твое образование. Мракобесие какое. – говорил он хоть в своей обычной манере, но как-то без души, будто проносил чужой текст.

– Окей, давай опустим первую часть и просто ответь на вопрос... – мне почему-то стало его жалко, я видела, что он теряется из-за того, что совсем не знает, как со мной говорить.

– Ну ты же общалась с бабушкой, и мы общались. А все остальные... Слушай, какая разница, кто твой родственник? То, что у вас одна фамилия, не делает людей ближе, ни к чему не обязывает. Это же какой-то набор случайностей и

условностей. Важнее те, кого ты на самом деле любишь – вот о ком надо думать и кем дорожить.

– Что же это получается? Я тоже твоя случайность и условность? И меня не надо любить? – на последних словах я предательски перешла на фальцет, скрывая подкатившие слезы.

– Не передергивай! Что ты вечно все переворачиваешь с ног на голову?

– Да хватит нападать! Я же простой вопрос задаю! Ты любишь меня? Любил когда-нибудь?!

Испуганная моим воплем утка, подняла веер брызг и отчаянно хлопая крыльями, пролетела над нами и дальше вглубь парка. Отец сжал металлический подлокотник и подавшись вперед, по-прежнему не глядя на меня, заговорил тихо и глухо:

– Мама не хотела тебя рожать. Твоей сестре было всего 4 года, мы только-только выбрались из долгов, получили маленькую однушку, надеялись, что теперь можем вздохнуть спокойно, поездить – попутешествовать, может быть переехать наконец в другой город – не такой мрачный. И тут беременность, а значит конец всем планам. Но я уговорил ее не делать аборт. Я не мог позволить нам убить моего ребенка. Но когда ты родилась, она подхватила заражение крови и плюс ко всему впала в послеродовую депрессию. Не хотела видеть тебя, брать на руки. Ее держали в больнице несколько месяцев. А я забрал тебя, как и положено, на пятый день.

Забрал домой. Потому что тебе нужен был дом, нормальный, настоящий. Я бегал каждое утро на молочную кухню, пеленал, купал, гулял, баюкал. Ты спала только у меня на руках, и я несколько месяцев спал сидя, чтобы ты не плакала. Я видел, как твой взгляд наполняется смыслом, я видел, как ты первый раз в жизни улыбнулась... Ты спрашиваешь люби ли я тебя когда-нибудь?

– Пап...

– Ох, черт! Клюет!!

Мы подскочили одновременно, но если я в панике, то отец в полной боевой готовности – выверенными четкими движениями он сделал захват и медленно, не теряя концентрации довел бьющуюся на крючке, переливающуюся в солнечных лучах крупную рыбу до берега.

– Садок! Быстро!

Я метнулась, схватив садок и через минуту в нем тяжело шевелилась, широко раскрывая жабры, редкая рыбина.

– Папа, с ума сойти! Ну ты крутой! Что это за рыба?

– Радужная форель, если я правильно понимаю – он довольно улыбнулся, бережно, но крепко взял ее в руки и запустил в пластиковое ведро с водой.

– Радужная форель? В нашем городском пруду? Что за новости! Это что новая программа благоустройства парков?

– Наверное, я не знаю. – отец снова закинул удочку и присел и только теперь посмотрел на меня долго и внимательно.

Я не могла узнать его взгляд. Мне показалось, что это и

не он вовсе смотрит на меня, а какой-то совершенно незнакомый мне человек. Я читала в глазах этого незнакомца всё, чего мне так не хватало – глубокие чувства, заботу, любовь.

– Пап... я не знала ничего о том, что ты мне рассказал.

– Ничего... теперь знаешь. – он словно не хотел развивать тему.

Утро разгоралось, воздух становился теплее, вода вспыхивала яркими искрами на солнце и плескалась у берега...

– Но можно я все-таки еще кое-что спрошу? – мне не хотелось нарушать редкий момент, но я чувствовала, что нет никакого определенного времени, когда это может повториться и торопилась поговорить с ним.

– Спроси...

– Почему тогда ты совсем забыл обо мне, когда я подросла? Ведь ты даже ни разу не поговорил со мной, вот так, как сегодня..

Он очень тяжело вздохнул и закрыл лицо руками... о чем-то подумал несколько минут и только после, оторвав ладони от лица ответил:

– Я сам не знаю, прости. Когда вернулась мама – ты стала будто одержима ею. Я понимаю, что это смешно, обижаться на младенца, маленькую девочку. Но ты словно забыла про меня, искала и ждала только мать. Не давала ей оставить тебя ни на минуту, а если оставалась без нее, то плакала до истерик. А я вечно на своей стройке и ты стала отвыкать от меня. Я злился, бесился, не знал, как вернуть то, что было

между нами. И стал срываться. Однажды, когда ты осталась со мной и снова бесконечно рыдала и звала маму, я пытался тебя успокоить и ты оттолкнула меня. Тогда я будто с ума сошел и ударил тебя...

– Боже,... папа...

– Тихо... я договорю. Я не смог себя простить. И чтобы никогда не повторить этого, стал закрываться от тебя, старался не оставаться дома с тобой, а потом insult. Я так и не смог смириться с тем, что в 45 лет остался инвалидом до конца жизни и тогда я убедил себя в том, что это мое наказание за тебя... Вот в общем, как-то так.

– Я ничего этого не помню.

– Наверное помнишь, но так глубоко, что кажется, будто этих воспоминаний нет. Но я должен был это сказать. И я должен попросить у тебя прощения... Прости меня, пожалуйста. Если можешь.

Я поднялась, подошла к нему и обняла сзади, уткнувшись носом в его седую макушку.

– Конечно, я прощаю тебя. Но это слишком много для одного утра, пап... я не буду больше тебя расспрашивать. Мне кажется, мое сердце столько не выдержит.

Он вдруг дернулся так, что заехал мне затылком по носу. На мгновение у меня потемнело в глазах, а отец уже рванул к берегу.

– Нормальный ты, вообще? Что там опять клюет? – я терла ушибленный нос, злясь и одновременно радуясь, возмож-

ности прервать этот душераздирающий разговор.

– Ну подумай а! Еще одна красotka! Садок, дочь!

Мы снова подсекали, доставали, отпускали форель в ведро с водой и кажется оба были рады избежать неловкого момента. И почти целый час мы просто сидели, пили горячий крепкий кофе из термоса, курили, болтали, молчали, любовались парком и водой, кормили уток... Я не смотрела на часы, боясь увидеть, что нам уже пора... мне очень хотелось чтобы это утро длилось бесконечно, чтобы уместить в нем все те часы и годы, которые я прожила без отца в своем сердце. Я смотрела на его лицо, которое несмотря на годы оставалось красивым и благородным, смотрела на его руки и длинные пальцы, сравнивала со своими, прекрасная зная, что конечно же они достались мне именно от него. И только когда солнце стало уже серьезно припекать и нужно было собираться, я спросила наконец:

– Пап, ну почему только сейчас? Мне так жаль, что мы упустили столько лет... Мне так не хватало тебя, я сейчас понимаю, откуда была эта пустота за моей спиной. Понимаю, что много еще впереди и надеюсь мы наверстаем, но все-таки... почему?

Он долго молчал. Я испугалась, что шагнула за черту, где снова потеряю его. Он погладил меня по руке

– Не бойся, я думаю о тебе всегда. И думал. И буду. Мне кажется, что ты понимаешь, почему именно сейчас. Ну или очень скоро поймешь. Это не важно, на самом деле. Я хочу,

чтобы ты больше никогда не делала себе больно из-за того, что думаешь, что я тебя не люблю. Я люблю тебя, ровно с той минуты, как взял тебя на руки. Ну-ну, что за слезы – 40 лет прошло, а ты реवेशь, как маленькая.

– Да ну тебя... Что ж такое – у тебя опять клюет! – я рассмеялась, утирая слезы и привычно подхватила садок.

Трем рыбинам в ведре было уже тесно. И мы засобирались, мне сегодня еще предстояли скучные, но многочисленные дела.

– Юль, можно я тут останусь еще ненадолго? А потом тебя догоню. – похоже мой несентиментальный папа все-таки хотел попереживать в одиночку.

– Давай, пап. Люблю тебя!

Я обняла его на прощание, зажмурилась, прижалась покрепче и утонула в невозможном чувстве простой детской радости...

В кармане противно зазвенел телефон 9:00 – автоматический будильник. Я открыла глаза и увидела белый потолок своей спальни.

Борис легко поднял ведро с рыбой и медленно пошел вдоль пруда, по осеннему парку. Выйдя на дорожку, он огляделся, заметил темную фигуру, сидящую на лавочке, и двинулся к ней.

Смуглая старуха с суровым лицом, сидя на лавке, чертила палкой на дорожке загадочные знаки, перечеркивала и чертила снова.

– Прасковья Андреевна, спасибо вам огромное! – Борис присел рядом

– Ты мне никогда не нравился, если что. – не глядя на него, сказала старуха. – И я тебя пропустила, только ради нее. Ты ей сейчас был нужнее. Да и сам уже достал тут маяться. А я не тороплюсь.

– Ну я пойду?

– Ну иди... Иди. Рыбу выпустить не забудь.